

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет

**Роль локативного компонента в семантической структуре
адъективной приставки с пространственным значением**

Аннотация: Рассматриваются различные точки зрения на роль локативного компонента в значении языковой единицы. Описываются альтернативные теории значения. Когнитивный образ ситуации квалифицируется как универсальная основа значения языковой единицы.

We consider different points of view on the role of locative component in the meaning of a linguistic unit, describe an alternative theory of meaning. Cognitive image of the situation is qualified as a universal language based on the value of unity.

Ключевые слова: локативность, адъективная приставка, когнитивный образ ситуации, прототипическая ситуация, перцептуальный компонент, концептуальный компонент.

Locativity, adjectival prefix, cognitive image of the situation, prototypical situation, perceptual component, conceptual component.

УДК: 808.2-3.

Контактная информация: Иркутск, ул. , ул. К. Маркса, 1. ИГУ, кафедра русского языка и общего языкознания. Тел. (3952) 243995. E-mail: ludgorbunova@mail.ru.

В лингвистике значения различных типов достаточно часто квалифицируются как производные от локативных значений. Такая установка обосновывается теорией, базирующейся на философском представлении о пространстве как форме существования материи и примате пространственных представлений человека. Так как большее количество информации об окружающем мире поступает через зрительный канал, то именно пространственные категории в силу их наблюдаемости признаются более легкими для познания и потому более ранними для языка. Кроме того, у человека нет иных способов познания, как сравнение нового с уже познанным. Вследствие этого пространственные категории становятся основой для такого сравнения, а единицы с базовым локативным значением – средством номинации вновь познанных смыслов [Крейдлин, 1994, 1997; Кустова, 2004]. Базовость локативных значений объясняется и тем, что «локатив является импликацией существования: если объект существует, он где-то находится (не только в физическом, но и в разных типах нефизических пространств)» [Кустова, 2000, с. 230]. «Язык стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 116]. Обозначение непространственных смыслов с помощью локативных единиц языка интерпретируется как результат пересмысления пространственных представлений [Шерер, 1979, с. 106; Зализняк, 2006, с. 311], как освоение «нефизических ситуаций с помощью предикатов физических ситуаций» [Кустова, 2004, с. 418], «метафора семантических пространств» [Крейдлин, 1994, с. 19].

Когнитивное направление лингвистики также трактует локативные значения как базовые. «Исследователи традиционно исходят в описании семантической структуры пространственно-дистанционных предлогов и наречий из геометрических характеристик сцены, которую задает предлог (наречие) в рамках локативного значения. Получив там искомый алгоритм, который представляет собой схематическое описание денотативной ситуации, сделанное на основе зрительной перцепции, они проецируют его на другие виды семантических пространств – временное, социальное и др., и ищут подтверждения в языковом материале выдвинутой гипотезе» [Кириченко, 2000, с. 339]. Умозрительные, ненаблюдаемые конфигурации объектов квалифицируются здесь как кальки с физических, в результате нематериальные объекты «представлены как аналоги физических объектов» [Кустова, 2004, с. 58], а значение многозначного слова представляет собой структуру, группирующуюся вокруг прототипа – базового зрительного значения [Langacer, 1987].

В русской лингвистике появилась новая точка зрения на статус локативного компонента в значениях языковых единиц: «Мы полагаем, что понятие пространственного прототипа как единственный инструмент анализа семантики предлога неудовлетворительно» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 118]. Развитие значения языковой единицы уже не рассматривается как переход от конкретного к абстрактному, к сложному концепту, структура которого полностью определяется исходным визуальным представлением. При описании значений сильно многозначных единиц, в частности, предлогов и глагольных приставок, авторы ставят вопрос о роли пространственного компонента: «Является ли он определяющим для понимания механизмов полисемии предлога, или этой полисемией управляют другие закономерности?» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 83].

Такие вопросы вполне естественны. Ведь исследования по семантике, в которых изучается значение самостоятельных единиц языка, уже доказали необходимость учета не только визуально воспринимаемых признаков объектов, но и концептуальной информации, антропоцентрической по своей природе, например, функциональной составляющей для имен [см.: Wierzbicka, 1985; Рахилина, 2000]. Поэтому в продолжение уже состоявшимся исследованиям и новой концепции структуры лексического значения, которое формируется с учетом нерелевантных признаков объекта, фоновой информации, коннотаций, сторонники нового подхода к интерпретации многозначности строевых элементов языка утверждают, что семантическую структуру таких единиц следовало бы представлять «не в рамках ставшего уже традиционным перцептивно-геометрического подхода, а с совершенно иных позиций» [Кириченко, 2000, с. 351]. Однако решение верной по сути теоретической установки в некоторых его моментах представляется спорным.

В работах [Пайар, 1997; Кронгауз, 1998; Пайар, Плунгян, 2000; Плунгян, Рахилина, 2000] авторы совершенно обоснованно постулируют «отказ от слишком прямолинейных «пространственных гипотез» (сводящих все многообразие производных значений предлога к так называемой «пространственной метафоре» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 83].

В качестве альтернативы локалистскому подходу предлагается несколько концепций. Ведущим тезисом первой их них является утверждение, что «функциональный компонент постепенно подавляет пространственный, становясь движущей силой в семантической эволюции предлога» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 84]. Но из данной формулировки не следует, что локативный компонент не участвует в формировании семантики предлога в качестве базового. Как кажется, в ней лишь утверждается, что пространственная семантика постепенно отходит в тень.

Впрочем, и анализ значений предлога *над* в этой части цитируемой работы производится именно с локалистских позиций. Например, при выяснении того, входит ли признак ‘строгая вертикальность’ в значение предлога, авторы дают

отрицательный ответ прежде всего потому, что «никакие непространственные значения предлога *над* не эксплуатируют эту разницу» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 85–86], тем самым утверждая генетическую связь непространственных значений и визуальных представлений.

Кроме того, в авторском анализе языкового материала неоднократно демонстрируется связь локативных и нелокативных употреблений. Например, подкласс локативных употреблений, основанный на концептуализации ориентира как случайного и / или временного, связывается с «теми нелокативными употреблениями, в которых основным значением *над* следует считать утверждение функциональной независимости *X* и *Y*» [Там же, с. 90]. Непространственные значения самими авторами трактуются как пространственные метафоры: «Что означает *приподнять завесу над тайной*? Имеется ли в виду метафора висящего вертикально занавеса (за которым скрывается тайна) или метафора горизонтального покрывала (под которым находится тайна)? По-видимому, обе интерпретации равно возможны, и выбор между ними не существен для формирования метафорического значения» [Там же].

При подведении итогов о значении предлога *над* авторы делают вывод: «Пространственные употребления организованы вокруг признаков “вертикальности” и “отсутствия контакта”, непространственные – вокруг признаков “независимости объекта от ориентира” и “опосредованного воздействия объекта на ориентир”» [Там же, с. 103]. Совершенно очевидно, что ‘независимость’ – смысл, производный от компонента ‘отсутствие контакта’, а ‘воздействие’ – широко известная метафора позиции выше.

Таким образом, как в теоретической, так и в эмпирической части работы авторы так или иначе обращаются к пространственным категориям.

В качестве второй концепции, выступающей альтернативой к локалистской, предлагается подход, основанный «не на противопоставлении пространственных и непространственных употреблений, а на едином описании, при котором наблюдаемые контекстные эффекты оказываются выводимы из единого абстрактного «сценария» [Там же, с. 84]. Например, опорным компонентом над-сценария называется доминанция, которая в конкретных группах употреблений интерпретируется как 1) «отношение господства, превосходства» [Там же, с. 108] (*власть над людьми, суд над Иваном*), как 2) пространственная доминанция (*дом над берегом, склониться над больным*), как 3) доминирующее положение *X*-а, понимаемое «в том смысле, что энергия, исходящая от субъекта, оказывается направлена на элемент *Y*» (*работа над диссертацией, сидеть над книгой*) [Там же, с. 110].

Если рассматривать первую группу употреблений, то снова представляется возможным и более системным интерпретировать отношение господства как концептуальную метафору пространственной доминанции. Что же касается третьей группы, то и здесь явно прослеживается связь с пространственными представлениями. Да, действительно, как утверждают авторы, работа над диссертацией не означает обязательной пространственной связи объектов, где один располагается над другим (размышлять над книгой можно, не имея книги перед собой, лежа на диване), однако типичная ситуация предполагает, что размышляющий, работающий находится в такой позиции, когда основная часть его тела располагается выше места приложения энергии (за столом над лежащей на нем книгой, у станка над закрепленной в нем деталью и т.д.).

Еще одна альтернативная концепция представлена в [Плунгян, Рахилина, 2000]. Здесь предлагается дополнить понятие **прототипического** значения понятием **центральное** значение: «прототипическое значение является исходным по отношению к центральному, но именно центральное значение является организующим центром семантической сети (и, в отличие от прототипического, оно совершенно не обязательно имеет пространственную природу)» [Там же, с. 118]. Что следует из данного положения? Во-первых, прототипическое значение, осно-

ванное на пространственных представлениях, все-таки признается. Более того, оно лежит в основе центрального значения. В каких же отношениях находятся прототипическое значение и текстовые употребления предлога? Следуя логике автора, мы должны признать, что если центральное значение – исходное для всех остальных, а прототипическое – для центрального, то в основе семантической сети лежит как раз прототип, а центральное значение соответствует некоему промежуточному этапу анализа. Вопрос о необходимости введения такого этапа для нас остается открытым.

Центральное значение авторы понимают как семантический вектор, «который лишь задает некоторое общее направление развитию многозначного слова и помогает объяснить его динамику» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 123], для предлога *под* это идея функциональной доминанции. Авторы предлагают следующее толкование *под*: «X находится ниже поверхности, и при этом непосредственно в области доминанции Y–а» [Там же, с. 124]. В толковании соединяются локативный и функциональный компоненты.

Не возражая против того, что только пространственной составляющей подчас недостаточно для адекватного представления языкового элемента как смыслового единства, мы все-таки не можем согласиться как с интерпретацией конкретных примеров, так и с теоретической установкой авторов. Например, необходимость введения идеи функциональной доминанции в анализ значения предлога *под* авторы мотивируют тем, что функциональная составляющая присутствует во всех употреблениях предлога, в том числе и пространственных. В качестве доказательства в статье приводится пример *под потолком*, который здесь толкуется как ‘в непосредственной близости от потолка’, т.е. в области функциональной доминанции, а не, например, ‘на полу’. По поводу этого конкретного случая хочется возразить, что такое понимание обеспечивается совокупностью многих факторов, о которых подробно говорится, в частности, в [Апресян, 1995], а основа данного понимания не в содержащейся в значении *под* идее функциональной доминанции, а в критериях выбора ориентира, которым может быть в подобной ситуации только объект, находящийся на определенном расстоянии. Суть здесь не в том, что *под потолком* не может пониматься как ‘на полу’, а в том, что объект, находящийся на полу, вообще не может быть локализован относительно потолка. Можно сказать *лампа под потолком*, так как лампа находится ниже потолка на расстоянии, позволяющем использовать потолок в качестве ориентира при определении локализации лампы. Невозможно сказать *ковер под потолком*, несмотря на то, что ковер ниже потолка, но он находится на таком расстоянии, что потолок выбрать в качестве ориентира нельзя. Подобную мысль высказывают и сами авторы: «Локализуемый объект и ориентир не могут быть отдалены друг от друга настолько, что между ними исчезает всякая функциональная связь» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 127]. Данные слова означают, что основа функциональной связи – расстояние, т.е. локативная категория. Далее авторы [Там же, с. 128] говорят о зависимости функциональной связи и расстояния между ориентиром и локализуемым объектом от размеров ориентира, т.е. от визуально воспринимаемых характеристик объекта.

Подводя итог анализу представленных концепций, отметим, что их появление обусловлено наличием большого количества работ, описывающих значение релятивных единиц языка, и попыток объяснить все богатство употреблений как результат функционирования единого механизма. Конкретные эмпирические данные, полученные в ходе изучения семантики и функционирования отдельных единиц языка или их групп, свидетельствуют о том, что только в отдельных случаях все употребления локативной единицы объяснимы исключительно в рамках пространственных представлений. Однако лингвистика не готова отказаться от локалистского подхода к интерпретации семантики языковых единиц, поскольку, как показывает практика, он обладает достаточно мощной объяснительной силой,

если наряду с пространственным компонентом иметь в виду и концептуальную информацию [см., например, Селиверстова, 2000; Кустова, 2004].

Удовлетворительно описать семантическую структуру языковой единицы позволяет использование представления о прототипической ситуации – когнитивном образе локативной ситуации, отражаемом базовым локативным значением слова или морфемы [Горбунова, 2007]. В центре семантической структуры локативной языковой единицы лежит не какое-либо значение разной степени абстракции, а когнитивная модель ситуации – прототипическая ситуация, – соотносимая с базовым значением слова или морфемы. Прототипическая ситуация выступает в роли источника информации, определяющего поведение языковой единицы, обуславливающего все возможные употребления, делающего понятными вновь появившиеся значения. Основу прототипической ситуации составляет локативный компонент – визуально воспринимаемые признаки ситуации, он является основой семантики локативных единиц.

Приставки *за-* имеет базовое значение **‘дальше от наблюдателя, чем X’**: *залесный поселок, заречные поля*. Значимыми признаками прототипической ситуации являются наличие наблюдателя; возможность его перемещения по отношению к **X** и **У**; расположение объектов **X** и **У** на одной оси с наблюдателем, что позволяет ему локализовать **X** по отношению к **У**; локализация осуществляется с помощью трассы – направления взгляда наблюдателя. Расстояние от наблюдателя до **У** больше, чем расстояние от наблюдателя до **X**. Наличие в прототипической ситуации фигуры наблюдателя относит базовое значение этих приставок к дейктическим, так как реальное расположение объекта выявляется только относительно позиции наблюдателя.

Прототипная организация когнитивного образа ситуации подразумевает, что целый ряд различных в перцептуальном отношении денотативных ситуаций может подводиться под прототип и в зависимости от характеристик **X** базовое значение может варьироваться:

‘С тыльной стороны X’. Данный вариант базового значения обеспечен тем, что производящие называют объекты с абсолютной ориентацией [Апресян, 1995], имеющие тыл и фасад и в норме располагающиеся к говорящему только одной стороной, которая и называется *фасад*. Этот признак «приписывается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование» [Апресян, 1995а, с. 40]. Таким образом, и человек в норме может располагаться только с фасадной стороны локума и отсюда оценивать пространственную конфигурацию: *задиванная пыль, запрестольная икона*.

Как своеобразные фасадно ориентированные локумы концептуализируются географические объекты. В этом случае базовое значение реализуется в варианте **‘ближе к центру России, чем X’** (*затундренский якут, заполярный дрейф, заполюсный остров*): **У** располагается севернее тундры, полярного круга, по другую сторону полюса.

Позиция говорящего, отраженная в значении прилагательных, соответствует позиции человека, находящегося в центре России, именно эту позицию фиксируют и словарные дефиниции: *Заволжский экономический район* ‘располагающийся между Волгой, Уралом, Северным Уралом и Прикаспием’, *Закавказский военный округ* ‘лежащий к югу от Кавказа’. В данном случае играет роль не закрепленность позиции объекта **X** по отношению к наблюдателю, как в случае с фасадными объектами, а то, что локализация наблюдателя моделируется прилагательным как постоянная по отношению к объекту **X**.

Базовое значение префикса реализуется и в прилагательных, образованных помощью приставок *за-*, от названий частей тела человека или животных в варианте **‘ближе к задней стороне тела, чем X’**. Значение недейктично, так как производящие называют локумы, инкорпорированные в фасадно ориентированный объект – тело. Поэтому вне зависимости от того, лицом или спиной к говорящему

располагается тот, относительно кого происходит локализация, прилагательные *заушный слуховой аппарат, загрудинная боль* будут обозначать то, что **У** находится ближе к задней части тела, чем **Х**.

Кроме дейктичности, нейтрализуется один из признаков базовой ситуации – горизонтальное расположение **Х**, **У** и наблюдателя. **У** в таком случае может располагаться на вертикальном **Х** (*застинный*). Однако взгляд говорящего, соединяющий **Х** и **У**, – это горизонтальная линия.

Как известно, в языке тело человека и животных и части тела могут быть концептуализированы как объекты, покрытые оболочками. В этом случае базовое значение приставки *за-* реализуется в варианте ‘с внутренней стороны **Х**’: *ззубное положение языка, защечный мешок, забрюшинный фиброз, заглочный абсцесс*. Здесь объекты, названные производящим, выступают в качестве внешних границ тела человека и животных. Говорящий в этом случае всегда находится в фиксированной позиции по отношению к локуму, и перцептивные условия базовой ситуации не изменяются: говорящий сначала воспринимает **Х**, затем его взгляд как бы движется вглубь тела человека, где располагается **У**. Именно такое положение дел метафорически реализовано в качественном значении прилагательного *задушевный* ‘искренний, сердечный, глубоко личный, сокровенный’, т.е. тот, который находится в глубине души, концептуализированной как вместилище, с внутренней стороны ее границ.

Приставка *за-* может называть локализацию **выше Х** (*заоблачный Тибет* ‘находящийся за облаками, выше облаков’, *занебесное круженье, запланетные камни*), которая является одной из модификаций прототипической ситуации. Позиция говорящего фиксирована по отношению к **Х**, что предопределено природой вещей, поэтому дейктичность снимается. Кроме того, трасса – направление взгляда – располагается вертикально или почти вертикально. Как видно, важнейшие перцептивные условия не отличаются от тех, которые обнаруживаются в базовой ситуации, **У** находится дальше от говорящего, чем **Х**:

При отождествлении контекстных реализаций приставки важнейшим условием такового является соблюдение взаимного расположения **Х**, **У** и наблюдателя. Именно этим компонентом противопоставляются перцептуальные составляющие ситуаций, называемых префиксами *за-*, *позади-* и *пред-*. Варьирование базового значения происходит за счет различия свойств локумов (фасадности / нефасадности, горизонтальности / вертикальности) и особенностей их концептуализации.

Новые значения языковой единицы возникают в результате актуализации некоторого набора признаков прототипической ситуации, каждое из значений соответствует специфической конфигурации этих признаков. Приставка *за-* имеет темпоральное значение ‘**позже Х**’ (*загробная жизнь, замогильный период*). Соотношение событий раньше / позже интерпретируется как локализация на более близком / далеком расстоянии, т.е. один тип отношений экстраполируется на другой, две ситуации связываются с помощью метафоры.

В большинстве прототипических ситуаций локативная перцептуальная составляющая сочетается с концептуальной [Горбунова, 2008]. Наличие концептуальной составляющей позволяет объяснить появление некоторых нелокативных значений у единиц с базовым локативным значением. Например, приставка *за-* употребляется в значении ‘**за пределами Х**’. Данное значение реализуется в прилагательных, производящие в которых называют **Х**, концептуализированный как объект, имеющий умозрительные границы, относительно которых оценивается локализация **У**. **У** находится в пространстве, не относящемся к **Х**: *заштатный сотрудник* ‘не входящий в число установленного состава служащих какого-л. учреждения. внештатный’, *запредельные нагрузки* ‘находящийся за пределами чего-л.’, *закритические температуры* ‘превышающий критические показатели’, *затактный аккорд*. Причем приставка не просто констатирует расположение за

пределами *X*, как это делает префикс *вне-*. В прилагательных с приставкой *за-* подобная локализация концептуализируется как выход из привычной области, нарушение обычного порядка, что отмечается и в дефинициях: *забалансовый* ‘бухгалтерские счета, предназначенные для учета временно находящихся у предприятий или организаций ценностей, не принадлежащих им. Данные показываются после итога баланса, т.е. за балансом’ [БСЭ]. Расположение объектов, названных в прилагательных *внебалансовые* и *забалансовые средства*, будет абсолютно одинаковым – за границами баланса, однако приставка *вне-* только констатирует это положение, а *за-* еще интерпретирует как выход за границы освоенной области.

В этом смысле показателен следующий факт. Прилагательное *затактовый* ‘находящийся вне такты, музыкального размера’ толкуется словарем через предлог *вне*. При этом использование приставки *за-* в прилагательном не только показывает нахождение ноты, аккорда вне пространства такты, но и интерпретирует эту ситуацию как необычную для музыкального произведения, которое организовано с помощью размера, являющегося неотъемлемой характеристикой музыки.

Итак, по отношению к приставке *за-* мы можем говорить не только о перцептуальных признаках прототипической ситуации, но и концептуальных.

Базовый характер локативного компонента обнаруживается и при анализе значений самостоятельных единиц языка. Однако непротиворечиво объяснить все особенности их функционирования и формирования семантической структуры возможно только с учетом концептуальной составляющей прототипической ситуации. Так, прилагательные, в основе локативных значений которых лежат разные в перцептуальном отношении прототипические ситуации, могут выступать как синонимы и использоваться в значении ‘тайный’ (*закулисный сговор, подковерная борьба*) именно потому, что объект-локализатор концептуализируется одинаково – как преграда для свободной перцепции. Акцентирование данной концептуальной информации сопровождается нейтрализацией всех перцептуальных различий прототипических ситуаций [см. подробно: Горбунова, 2010]

Таким образом, можно сказать, что локалистская концепция значения далеко не исчерпала себя. Присвоение локативному компоненту статуса базового при учете концептуальной информации позволяет естественно и непротиворечиво описать сферу функционирования и развитие значений описанных единиц.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика.

Горбунова Л.И. Концептуализация ситуации как основа системности значения адъективной приставки // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.) / Под ред. М.Б. Ташлыковой. Иркутск, 2007. С. 169–179.

Горбунова Л.И. Перцептуальная и концептуальная составляющая локативного значения адъективной приставки // Российский лингвистический ежегодник. 2008. Вып. 3 (10). Красноярск, 2008. С. 16–25.

Горбунова Л.И. Синонимия производных значений локативных прилагательных и концептуализирующая роль языка // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2010. № 2 (020). С. 34–39.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Кириченко А.С. Системные семантические характеристики и область денотации предлога *между* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 338–352.

- Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога *среди* // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 19–31.
- Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М., 1997. С. 139–151.
- Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова Г.И. Когнитивные модели семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Пайар Д. Формальное описание приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 87–113.
- Пайар Д., Плунгян В.А. Предлог НАД: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 83–114.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115–133.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога НА // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 189–242.
- Шерер В.Э. О выражении пространственных отношений в кетском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 5. С. 98–106.
- Langacker R.A. Foundations of Cognitive Grammar. Stafford, 1987. Vol. 1 / R.A. Langacker.
- Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.